
Ю. А. Новиков

БЫЛИНЫ АНДРЕЯ СОРОКИНА

(К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ МАНЕРЕ СКАЗИТЕЛЯ)

Соотношение коллективного и индивидуального начала в творчестве сказителей былин и связанный с этой проблемой круг вопросов давно привлекают к себе пристальное внимание фольклористов. Особенно много сделано в этой области советскими учеными. В работах Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. М. Астаховой, В. И. Чичерова, Р. С. Липец, А. М. Линевского, П. Д. Ухова и ряда других исследователей всесторонне анализируются тексты крупнейших исполнителей русского былинного эпоса, рассматриваются особенности их творческой манеры, вопросы преемственности, отношения исполнителей к традиции, отражения личности сказителя в исполняемых им былинах и т. д.

В этом плане творческое наследие пудожанина Андрея Пантелеевича Сорокина изучено недостаточно глубоко. Между тем по богатству своего репертуара (от него записано 11 былин) и общему объему текстов (около 6000 стихов, без учета повторных записей) Сорокин занимает одно из первых мест среди сказителей, известных Рыбникову и Гильфердингу. Многие былины сумозерского певца относятся к числу лучших вариантов, известных науке («Садко», «Наезд литовцев», «Илья и Соловей», «Соломон и Василий Окулович»). Поэтому вопрос о творческой манере Сорокина, о его влиянии на эпическую традицию Пудогги заслуживает специального рассмотрения.

Первым фольклористом, который встретился с А. Сорокиным, был П. Н. Рыбников. Летом 1860 г. он приехал в Пудож, услышав о мастерстве сумозерского крестьянина; вызвал его в уездный город и записал несколько текстов. «Несносная боль в руке» не позволила собирателю продолжить работу, по его поручению остальные старины Сорокина были записаны позднее¹. Одиннадцать лет спустя А. Ф. Гильфердинг провел в обществе Андрея Пантелеевича несколько дней на Сумозере и Водлозере, записав от него четыре полных текста (в том числе две новые былины) и разночтения к четырем вариантам, опубликованным в сборнике Рыбникова.

Сведения, сообщаемые собирателями об Андрее Сорокине, скудны и отрывочны. Известно, что он родился и вырос в деревне Ченежи близ Пудожа, сказыванию былин научился в молодые годы у местных певцов. Одним из его учителей был старик Афанасий из соседней деревни Кулгала. От него Сорокин перенял былинку «Соловей Будимирович». В 30-летнем возрасте сказитель переселился на Сумозеро в дом тестя. Примерно через два года после переезда он пел свои старины Рыбникову. Умер Сорокин в начале 90-х годов прошлого столетия.

Наибольшее внимание исследователей былин привлекало свидетельство А. Ф. Гильфердинга об импровизаторских наклонностях сумозер-

---

¹ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2, М., т. 1, 1909, (Далее при ссылке на тексты былин — сокращенно Р.), стр. LXXXVII.

ского сказителя. «Он пробовал когда-то распевать в виде былин и сказки, которые рассказываются «словами» (т. е. прозаической речью), но это, как он говорил, ему не удавалось: видя, что дело не ладится он бросил эту мысль», — писал о Сорокине Гильфердинг². В статье «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» собиратель вновь вернулся к этому вопросу: «...Самая эта попытка показывает в Сорокине склонность к личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинах. И действительно: ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былину, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе: «Ах, это все равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!» Ничего подобного мне ни от кого другого из сказителей не приходилось слышать...»³.

Мнение Гильфердинга на многие десятилетия утвердилось в русской фольклористике; за Сорокиным закрепилась слава певца-импровизатора, который свободно обращался с текстами былин и мало считался с традицией.

Между тем ни один из исследователей не доказывал склонности сумозерского сказителя к личному сочинительству путем текстологического анализа его былин. Единственный аргумент, которым подкреплялась такая точка зрения — приведенное выше сообщение Гильфердинга. Однако у того же Гильфердинга есть и свидетельство другого рода, которое авторы новейших исследований обычно упускают из виду: «При сличении напечатанных в сборнике г. Рыбникова былин Сорокина с тем, как он их пел ныне, не оказалось почти никакой разницы, кроме некоторых частиц (а, й, как), которые Сорокин ставит в начале каждого почти стиха при пении былины «голосом» и опускает при словесной ее передаче. Так как, по отсутствию размера в былинах Сорокина, они, будучи записаны с голоса, не разнятся ничем, кроме мелких и случайных изменений, от текста, напечатанного в сборнике г. Рыбникова, то те былины, которые вошли в этот сборник, здесь не повторяются, а приводятся лишь существенные в них варианты...»⁴.

Нетрудно заметить, что второе утверждение Гильфердинга в корне противоречит первому. Если былины Сорокина на протяжении 11 лет не претерпели почти никаких изменений, то его никак нельзя относить к разряду певцов-импровизаторов.

В каком же случае Гильфердинг был ближе к истине? Что является определяющим в творческой манере Сорокина: «бесцеремонное отношение» к текстам былин или же верность традиции? Решение этого вопроса во многом зависит от результатов текстологического анализа. Материала для сравнительного изучения вариантов Сорокина накоплено немало: три былины записаны от него дважды, к четырем Гильфердинг приводит наиболее важные разночтения, наконец, в последние десятилетия собиратели встретили на Пудогге целый ряд сказителей, тексты которых дают близкие параллели к сорокинским.

Наибольший интерес, несомненно, представляют былины «Наезд литовцев», «Садко» и «Дюк», записанные от Сорокина дважды. «Наезд литовцев» в сборнике Рыбникова состоит из 341 стиха, а у Гильфердинга — из 419. По композиционной структуре оба варианта почти идентичны. Существенных отличий немного: во второй записи опущен плач Романа о старости; заменены названия двух сел, разоренных литовцами; предупреждение Чембала о том, что князь Роман — оборотень, перенесено в начало текста. Незначительное увеличение объема былины объяс-

² «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года» (Далее при ссылке на тексты былин — сокращенно Г.), изд. IV, М.-Л., т. I, 1949, стр. 623.

³ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», стр. 52.

⁴ Там же, стр. 623—624.

няется прежде всего тем, что Гильфердинг записал ее «с голоса», — при пении сказитель охотнее пользовался повторами, чуть подробнее передавал некоторые эпизоды.

Варианты былины «Садко» разнятся по объему гораздо сильнее: в сборнике Рыбникова (Р.—134) — 387 стихов, в записи Гильфердинга (Г.—70) — 601. Однако и здесь сюжетная схема остается неизменной, совпадает большинство постоянных формул, монологов, так называемых переходных мест и т. д. При повторном исполнении Сорокин не ввел в былинку ни одного нового эпизода, но некоторые из них дал в более развернутом виде, используя традиционные приемы народной эпической поэзии. Так, в первом варианте герой, пытаясь откупиться от морского царя, велит бросить за борт бочку серебра, а потом — бочку золота; во втором варианте в море «мечут» еще и бочку «крупного мелкого скачяго жемчугу» (дополнительное описание занимает 13 строк). В первой записи Садко и его спутники спускают на воду «жеребья вольжанные» и золотые, во второй кроме них — липовые и дубовые (добавляется еще 18 стихов). Исполняя былинку в 1871 г., сказитель иногда злоупотреблял повторами: в первом варианте монолог морского царя, советующего герою побиться об заклад с новгородскими купцами, содержит 17 стихов, а во втором — 45 (Сорокин некстати вставил сюда подробное описание пира, на котором Садко должен поспорить с купцами; буквально через 10 строк эта формула повторяется).

Несколько иной характер носят разночтения в былинке «Дюк» (Р.—130—начало; Р.—131—полный текст). Оба варианта записаны, по видимому, в 1860 г., причем записаны не с пения, а под диктовку сказителя. Во втором тексте события развиваются в той же последовательности, что и в первом, однако количество вариаций больше, нежели в былинах «Наезд литовцев» и «Садко»; возрастает и «амплитуда» отклонений. Сорокин порой вводит новые детали, переставляет или опускает некоторые эпизоды, меняет их словесное оформление. Создается впечатление, что он усвоил эту былинку позже других или же пел ее не так часто, и к моменту первой записи текст еще не устоялся окончательно в его сознании.

Не исключено, что в молодости Сорокин слышал «Дюка» от разных сказителей. Сюжетный каркас его былины в целом остается неизменным, но в деталях такой определенности нет: певец словно продолжает поиски, пробуя то одни, то другие словосочетания, постоянные эпитеты, целые фразы. В первом варианте он употребляет выражения «сукна кармазинные», «след лошадиный», «славная Палач-гора Афанасьева», «вязал крепки поводы на бедро свое», во втором — «сукна одинцовья», «ступь лошадиная», «крутая славная гора холмчатая», «вязал крепки палицы на бедро свое». Изменения касаются даже имен собственных: при первом исполнении сказитель назвал мать Дюка Мамелфой Тимофеевной, а позднее — Афимьей Александровной.

Известные отклонения от первоначально записанного у Сорокина текста обычно сводятся в более поздних вариантах к новым деталям и подробностям, как правило, тоже традиционным. Об этом свидетельствуют не только приведенные выше примеры из былин «Наезд литовцев», «Садко» и «Дюк», но и разноречия, отмеченные А. Ф. Гильфердингом. В былинке «Илья и Соловей», насчитывающей более 800 стихов, певец пропустил всего несколько строк и слегка изменил один эпизод (в первом варианте Добрыня сообщает киевскому князю, что богатырский конь Илья стоит непривязанный, а в записи Гильфердинга князь сам убеждается в этом, выйдя «на широк двор»).

Через 11 лет Сорокин почти слово в слово повторил текст «Ставра Годиновича». Он лишь расширил начало былины за счет традиционных для этого сюжета мотивов и нескольких типических мест. Первый вариант «Ставра» открывается описанием пира у князя Владимира, во

втором сперва рассказывается, как Ставр Годинович выезжает из Чернигова в Киев, как Василиста Микулична предупреждает его: «Ты смотри не фастай мной молодой женой». «Потом Сорокин описывал, как Ставер седлает коня, одевается, приезжает в Киев, ставит коня на дворе княженецком, входит в палаты, кланяется; тут все садятся за стол, и тогда следует продолжение былины, со стиха 10 у Рыбникова», — сообщает А. Ф. Гильфердинг⁵. В дальнейшем сказитель лишь однажды отступил от своего первоначального текста: отправляясь в Киев выручать мужа, Василиста Микулична берет с собой дружину Ставра и затем оставляет ее в чистом поле.

Прослушанный Гильфердингом вариант «Дюка» совпадает с полным текстом из собрания Рыбникова, различия касаются отдельных слов и выражений. То же самое можно сказать о былине «Соловей Будимирович», исключая финальную сцену, которую Сорокин заметно усложнил (на ней мы подробнее остановимся ниже).

Сопоставление вариантов, исполнявшихся в 1860 и 1871 гг. показывает, что Андрей Сорокин вовсе не был импровизатором. Напротив, его былины отличаются удивительной устойчивостью и не уступают в этом отношении текстам других известных сказителей, от которых производились повторные записи. Такой вывод подтверждается некоторыми косвенными данными.

Об особенностях творческой манеры крупного мастера можно судить не только по его вариантам, но и по текстам учеников. В этой связи несомненный интерес представляют былины, записанные от сказителей, которых в той или иной степени можно считать преемниками Сорокина.

Большую часть своей жизни Андрей Пантелеевич провел в Новинке — небольшой деревушке, затерянной в бескрайних лесах. В таких изолированных селениях эпическая традиция на рубеже XIX и XX столетий угасала особенно быстро, ибо местным сказителям трудно было рассчитывать на большую аудиторию, постоянное общение с другими знатоками былин. Не удивительно, что в Новинке былины Сорокина почти не прижились, в XX в. собирателям удалось записать здесь лишь единичные тексты.

Тем не менее у Сорокина нашлось немало преемников. Имя сказителя было хорошо известно на Водлозере, тамошние крестьяне высоко ценили мастерство этого «петаря» и нередко перенимали его былины. Объясняется это во многом тем, что до начала XX в. деревня Новинка была единственной «на протяжении 60-ти верст, отделяющих Водлозеро от гор. Пудожа; потому все проезжающие по этому направлению принуждены в ней ночевать и пользуются для того гостеприимством сумозерских крестьян, между прочим и Сорокина, у которого есть своя изба»⁶). Отголоски сорокинских редакций обнаруживаются также в былинах, записанных в деревнях, расположенных по среднему течению реки Водлы — на родине сказителя — и даже на Рагнозере, Тубозере и Купецком озере. Наибольшее распространение получила одна из лучших былин Сорокина, в которой искусно соединены два сюжета — «Илья и Соловей-разбойник» и «Ссора Ильи с Владимиром» (Р.—127). Следуя пудожской традиции, Андрей Пантелеевич дает один из самых полных вариантов «Ильи и Соловья», последовательно описывая целую серию богатырских подвигов героя. Илья освобождает осажденный татарами город Смолягин, преодолевает три заставы: мостит мосты по зыбучим болотам, перепрыгивает на коне через речку Смородину, побеждает Соловья-разбойника; затем он расправляется с дочерью Соловья и приезжает в Киев.

Здесь певец нарушает обычный ход событий и вводит в былину подробный рассказ о бунте Ильи против князя Владимира. Уже сама по себе такая контаминация необычна — другие сказители исполняют «Ссо-

⁵ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», стр. 688.

⁶ Там же, стр. 53.

ру Ильи с Владимиром» как самостоятельное произведение или же соединяют ее с былиной «Илья и Калин». Кроме того, сорокинская редакция второго сюжета весьма своеобразна, конфликт между богатырем и князем достигает в этой былине предельной остроты. Столкновение происходит прямо на пиру, в княжеских палатах. Владимир предлагает Илье занять место на нижнем конце стола, богатырь с презрением отвергает эту «милость».

Сам ешь-кушашь с воронами,
Меня садишь с воронятами!
Не хочу я хлеба кушать с воронятами!

Владимир велит богатырям вывести Илью из палат и срубить ему голову. Илья расправляется с княжескими слугами, стреляет «об окошка княженецкие», снимает позолоченные маковки и пропивает их в кабаке вместе с «голями». (Характерно, что обычные для этой былины «маковки церковные» заменены у Сорокина «маковками княженецкими».) «Голи кабацкие» опасаются мести Владимира, но богатырь успокаивает их:

Пейте вы, голи, не сумляйтесь:
Я завтра буду во Киеве князем служить,
А у меня вы будете предводителями!

Почувяв беду, Владимир спешит помириться с Илей и посылает на переговоры Добрыню. Но Илья не сразу идет на мировую. Он требует, чтобы князь на трое суток «растворил» все кабаки и пивоварни, бездано-беспощинно поил народ — пусть все знают, что «наехал старый казак... Илья Муромец». Второе условие — Владимир должен завести пир специально для Ильи. Открытая угроза звучит в заключительных словах богатыря:

Ежели не сделает князь по моему,
То он процарствует только до утра!

Владимир безоговорочно принимает все эти условия, на пир Илья приходит вместе с «голями кабацкими». Далее следует финальная сцена из былины «Илья и Соловей», в которой князь окончательно развенчивается. «Обзарившись» на богатый выкуп, предложенный детьми Соловья-разбойника, он готов отпустить его на волю. Илья препятствует этой сделке, язвительно напоминая Владимиру:

Не тобой они приказаны
И не тобой назад отпустятся!

Трудно назвать другой вариант «Ссоры Ильи с Владимиром», который был бы так сильно пронизан антикняжескими настроениями, так богат уникальными, на редкость выразительными художественными деталями. И приходится сожалеть, что этот текст доступен лишь небольшому кругу специалистов, ибо для него не нашлось места ни в одной из известных нам хрестоматий и антологий былин.

Оставляя пока открытым вопрос о том, кому принадлежит соединение сюжетов «Илья и Соловей» и «Ссора Ильи с Владимиром», можно почти наверняка утверждать, что на Сумозеро и Водлозеро контаминированную былинку занес именно Сорокин. Варианты типичных сказителей-передатчиков на Сумозере и Водлозере почти во всем совпадают с сорокинским, ничем существенным его не дополняют, утрачивая некоторые детали. Такое близкое сходство не только свидетельствует о генетическом родстве этих вариантов с текстом Сорокина, но и служит еще одним доказательством стабильности былин Андрея Пантелеевича. Если

бы он импровизировал, при каждом исполнении радикально изменял тексты былин, у его учеников не было бы такого единообразия.

Явные отголоски сорокинского текста слышны в былине рагнозерского сказителя Т. Прокина. У его земляка Д. Лукина в былине «Иван Годинович» ссора богатыря с татарским королем, неудачные попытки выдворить Ивана Годиновича из королевских палат в точности повторяют соответствующие эпизоды сорокинской «Ссоры Ильи с Владимиром».

Много общих моментов с вариантом Андрея Пантелеевича имеет также былина Г. Якушова «Илья и голи кабацкие»⁷. Довольно точными, хотя и бледными, «копиями» сорокинского «Наезда литовцев» являются тексты И. Фофанова с Купецкого озера⁸ и Н. Кигачева с Тубозера (П. С.—43). В былине «Добрыня и Алеша» водлозерской сказительницы Е. Павловой (С. Ч.—190) элементы местной редакции этого сюжета переплетаются с характерными особенностями сорокинского извода (сумозерский певец был хорошо известен одному из учителей Павловой). Явно родственны между собой варианты былины «Дюк», записанные от А. Сорокина и М. Нигозеркина (Водлозеро) (Г.—218).

Особого внимания заслуживают варианты земляков Сорокина — А. Пантелеева и А. Портнягина. Пантелеев — житель Ченежей, родной деревни Сорокина. Записанные от него былины «Илья и Соловей», «Добрыня и Алеша» и начало «Ильи и Калина»⁹ дают самые близкие параллели к текстам Андрея Пантелеевича.

Варианты обоих певцов настолько близки, что не приходится сомневаться в родственности их происхождения; некоторые исследователи даже считают Сорокина непосредственным учителем Пантелеева¹⁰. Данные текстологического анализа не противоречат такому выводу, и все же принять его можно лишь с известными оговорками.

Уже одно то, что Сорокин в 32 года знал и пел более десятка иностранных былин, — факт исключительный в своем роде. Собиратели не раз отмечали, что многие крестьяне усваивали старины в молодости, но долго не осмеливались публично их исполнять — сказывание былин считалось чуть ли не монопольной стариков. Сорокин сумел преодолеть этот «возрастной барьер» и уже в молодые годы снискал себе славу признанного мастера, известного не только в родной деревне, но и в уездном городе, — Рыбникову о нем сообщил некий господин Буторин, по-видимому, один из пудожских чиновников. Таким образом, исполнительский талант Сорокина раскрылся очень рано. Тем не менее трудно поверить, что к 30 годам он успел обзавестись учениками (кстати, Пантелеев был на несколько лет старше Сорокина). Скорее всего, былины этих сказителей-односельчан имеют общий источник.

Независимо от того, был ли Пантелеев учеником Сорокина, или они оба учились у какого-то третьего певца, большая близость их вариантов свидетельствует о верности Сорокина местной эпической традиции. Еще одно подтверждение этому находим в текстах 88-летнего сказителя А. А. Портнягина из деревни Старое Сигово, расположенной по соседству с Ченежами (записи от него произведены в 1945 г.). Обращает на себя внимание тот факт, что все сюжеты, известные Портнягину, имеются в репертуаре Сорокина («Илья и Соловей», «Наезд литовцев», «Соломон и Василий Окулович»). В былинах этих певцов обнаруживается множество совпадений, они принадлежат к одним и тем же редакциям,

⁷ «Онежские былины», подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова, подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, (С. Ч.) М., 1948, № 8.

⁸ «Былины Пудожского края», подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова, предисловие и под редакцией А. М. Астаховой, (П. С.), Петрозаводск, 1941, № 24.

⁹ «Былины новой и недавней записи из разных местностей России», под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908, № 1, 5, 27.

¹⁰ См., например, «Былины Пудожского края», стр. 18; «Онежские былины», стр. 60.

хотя и не тождественны настолько, чтобы говорить о непосредственной связи между ними.

Наибольший интерес бесспорно представляет былина Портнягина «Илья и Соловей»¹¹. Местами она почти дословно совпадает с вариантом Сорокина, хотя здесь есть существенные разночтения. В тексте Сорокина Илья освобождает от врагов город Смоленин, гнездо Соловья-разбойника свито «на двух берегах на покляпых»; у Портнягина богатырь освобождает город Кешев (ср. с названиями «Бекешов», «Бекетовец» у других пудожских сказителей), Соловей-разбойник сидит на «березе виловатой» и т. п. По-разному описывают сказители «поскоки» богатырского коня.

Но самое главное отличие состоит в том, что в былине Портнягина нет рассказа о ссоре Ильи с Владимиром — важнейшей особенности сорокинской редакции «Ильи и Соловья». Это обстоятельство позволяет уточнить «степень родства» вариантов Портнягина и Сорокина. Вряд ли Портнягин по собственному почину опустил эпизод столкновения богатыря с князем — это не согласовывается с самим характером эволюционных процессов, происходивших в последние десятилетия в русском былинном эпосе. Очевидно, сказитель не был знаком с контаминированным текстом и усвоил «Илью и Соловья» без вставного рассказа о ссоре Ильи с Владимиром. В таком случае следует признать, что Сорокин и Портнягин являются представителями одной и той же местной эпической традиции, но их былины восходят к разным (хотя и близким) источникам. Поэтому, почти не рискуя ошибиться, можно утверждать, что сюжеты «Илья и Соловей» и «Ссора Ильи с Владимиром» были соединены в одном тексте сравнительно недавно и сделали это либо Андрей Сорокин, либо его непосредственный предшественник. Если бы контаминированная былина издавна входила в эпический репертуар этой местности, в тексте Портнягина сохранились бы ее следы.

В конце концов дело не в том, Сорокин или кто-то другой был создателем контаминированной былины, хотя и этот вопрос не лишен интереса, ибо речь идет о несомненной творческой удаче пудожских сказителей (не случайно рассматриваемая версия «Ильи и Соловья» в течение нескольких десятилетий получила такое широкое распространение). Для наших целей важнее другое: явная близость вариантов Сорокина и Портнягина служит еще одним веским аргументом в пользу того, что Андрей Пантелеевич очень бережно обращался с традиционными текстами былин и обвинение его в «бесцеремонном отношении» к ним беспочвенно.

Чем же вызван этот явный просчет А. Ф. Гильфердинга, не раз проявлявшего тонкое чутье и завидную наблюдательность? На наш взгляд, собиратель допустил решающую ошибку, во всем положившись на слова Сорокина («...Я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!»).

Рыбников, Гильфердинг и их преемники собрали немало ценных материалов об условиях бытования былин, об отношении сказителей и аудитории к их содержанию, об источниках вариантов крупнейших певцов. Добывались такие данные главным образом путем настойчивых расспросов исполнителей. Но нельзя не учитывать, что в сообщениях сказителей немало случайного, субъективного; некритическое использование этих данных порой может привести к неверным выводам.

Поскольку сообщения сказителей об источниках их былин, условиях бытования эпоса и т. п. не всегда имеют силу документа и нередко нуждаются в дополнительной проверке, исследователь народной поэзии должен пользоваться ими с большой осторожностью. В случае с Сорокиным Гильфердинг такой осторожности не проявил, в результате чего о творческой манере одного из крупнейших олонечских сказителей сложилось превратное мнение.

¹¹ Архив Петрозаводского Ин-та языка, литературы и истории АН СССР, разряд III, опись 1, колл. 17, № 92.

Выше мы попытались доказать, что А. Сорокин не принадлежит к числу импровизаторов. Закономерно встает вопрос: к какой же категории сказителей его следует отнести, был ли Андрей Пантелеевич исполнителем-передатчиком или же певцом творческого склада? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть некоторые особенности его былин.

Обращает на себя внимание тот факт, что тексты Сорокина, как справедливо отмечал П. Н. Рыбников, «отличаются особенною полнотою, древностью некоторых выражений и интересными эпизодами»¹². Мы уже имели возможность убедиться в этом на примере былины «Илья и Соловей»; общепризнанны художественные достоинства сорокинского «Садока». Обилие архаичных, редко встречающихся мотивов характерно и для других текстов сказителя. Уникальными подробностями, великолепными детализированными описаниями богата его былина «Соломон и Василий Окулович». Сорокину принадлежит один из самых поэтичных вариантов знаменитого «плача Романа о старости» («Наезд литовцев» — Р., 135), редко встречающееся упоминание о строительстве гостиного двора дружиной Соловья Будимировича. Оригинальны и выразительны многие поэтические формулы в былинах Сорокина. Разнообразен арсенал поэтических приемов, которыми владел и умело пользовался Сорокин. Мы не будем рассматривать этот вопрос в полном объеме, отметим лишь одну из самых характерных особенностей его былин — их лексическое богатство. В текстах сумозерского певца почти нет имен существительных, которые не имели бы постоянных эпитетов. Подсчеты показывают, что в былинах Сорокина на каждую тысячу стихов приходится на 25% больше постоянных эпитетов, чем у Н. Прохорова, и вдвое больше, нежели у Г. Якушова и Ф. Конашкова. Богаче у Сорокина и набор таких устойчивых словосочетаний: в его текстах мы насчитали свыше 200 эпитетов, не встречающихся у всех трех упомянутых выше сказителей.

В поэтическом языке Сорокина гораздо больше слов, с которыми он в разных случаях употребляет разные эпитеты (например, береза — «белая», «кудреватая», «поклопяя» и т. д.). Имея целый набор определений, прикрепившихся к тому или иному существительному, сказитель очень часто пользуется двойными и тройными эпитетами «крупный мелкий скатный жемчуг» и др.).

К числу излюбленных стилистических приемов Сорокина относятся также повторы разных типов. Особенно часты в его былинах сочетания синонимичных слов («хитер-мудер», «ести-кушати», «безданно-беспощлинно», «сила-войско-рать», «мужик деревенщина-засельщина» и др.). Например, в былинке «Наезд литовцев» (Р., 135), содержащей 341 стих, мы насчитали 60 случаев употребления синонимов — их здесь даже больше, чем повторяющихся предлогов и приставок.

Варианты Сорокина отличаются композиционной стройностью и логичностью, продуманы до мельчайших деталей.

Разумеется, многие особенности былин Сорокина зависят от того, какими были тексты его предшественников, но, по нашему мнению, личные вкусы сказителя тоже сыграли не последнюю роль. У Сорокина заметно стремление поставить все точки над «i», с рационалистических позиций объяснить поступки героев, описать то или иное событие во всех деталях. Княгиня Апраксия трижды зазывала Касьяна в свою спальню и оставила его в покое только после того, как он замахнулся на нее дубиной и пригрозил поколотить. В отместку княгиня распоролла подсумок Касьяна, положила туда чашу и вновь зашила подсумок («Сорок калик» — Г., 72). В былинке «Дюк» Чурила является на пир и кланяется всем, кроме Дюка, с которым он до этого повздорил в церкви.

¹² «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I, стр. LXXVII.

Когда Добрыня возвращается из Галича, так и не сумев дописать Дюкова имения, Чурила заявляет, что он был подкуплен Дюком (Р., 131).

Эти и некоторые другие детали, по-видимому, принадлежат Сорокину, а не его учителям. Правда, мы не располагаем бесспорными доказательствами, но имеются косвенные данные, согласовывающиеся с такой точкой зрения. В былине «Добрыня и Алеша» А. Сорокин и А. Пантелеев подчеркивают, что князь Владимир с Алешей силой заставляют Настасью выйти замуж. У Сорокина этот эпизод получает дальнейшее развитие — Владимир угрожает несговорчивой невесте:

Ежели не идешь за смелаго Олешу Поповича
Во свой город во Киев,
Так отдадим тебя во землю Литовскую
За мурзу-Татарина. (Р., 129)

У Пантелеева таких строк нет; следовательно, их вполне мог ввести в былинку А. Сорокин. В «Наезде литовцев» вещий ворон, сообщая князю Роману о набеге врага, «грает по-враниному»; князь, понимающий языки птичьи, тут же «переводит» слова ворона своей дружине. У А. Портнягина, как, впрочем, и у других сказителей, этой детали нет. Зато мы находим ее в текстах И. Фофанова и Н. Кигачева, генетически связанных с былинкой Сорокина.

Повторная запись «Дюка», сделанная корреспондентом Рыбникова, и приведенные Гильфердингом разночтения к ней позволяют проследить за самим процессом прикрепления оригинальной детали к традиционному в своей основе тексту былины — «Илья и Идолище» (у Сорокина она включена в состав «Дюка»). В первом варианте (Р., 130), записанном Рыбниковым, Илья расправляется только с Идолищем. Во втором варианте (Р., 131) добавляется убийство вражеского коня, но сказано об этом кратко и не очень выразительно. Видимо, эта деталь почему-то привлекла внимание Сорокина, и в записи Гильфердинга мы уже находим более чеканную формулу:

«А й куда же мы да коня кладем
А й поганого да Идолища?
А теперь у нас есть по коню по доброму,
А как гнать нам его теперь некуда.
А й где видно пала головка хозяйская,
А тут пади да головушка добра коня!
А й чеснул коня как меж ушей рукой правою.
А й как конь тот пал да на сыру землю!»¹³

(Ср. с финальной сценой былины «Чурила и Катерина»: «Где пала головка сера гуся, тут пади головка белой лебеди!»)

Следует оговорить, что стремление к психологизации былинного повествования, включение в него новых бытовых и иных подробностей далеко не всегда приводят сказителя к творческим удачам. В ряде мест варианты Сорокина страдают чрезмерной детализацией, перегружены повторами.

Показательна в этом отношении концовка былины «Соловей Будимирович» в записи Гильфердинга. После сватовства заезжего гостя к Любаве Путятичне князь Владимир спрашивает племянницу, пойдет ли она замуж. Любава соглашается. Далее описан свадебный пир, отъезд Соловья Будимировича, его возвращение на родину и еще один пир. Жених щедро одарил участников пира в Киеве, князь Владимир перед расставанием поднес новобрачным богатые подарки, в свою очередь Соловей оставил князю свои чудесные терема. Ни в одном прионежском

¹³ «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом», т. I, стр. 689.

варианте (в том числе и в более ранней записи от самого Сорокина) эта сцена не разработана так подробно, хотя некоторые детали встречаются и у других сказителей. Поэтому естественно предположить, что развернутый финал — результат личного творчества Сорокина. Нововведение отнюдь не украсило былинную — основной конфликт разрешен, и детализированное описание свадьбы и отъезда Соловья Будимировича воспринимается как искусственная «пристройка».

Пожалуй, это единственный случай, о котором можно с уверенностью сказать, что тут Сорокин импровизировал. Записанный Гильфердингом фрагмент и в стилистическом отношении выпадает из всего творческого наследия сказителя: не имея достаточного запаса традиционных формул для описания данной ситуации, Сорокин иногда даже затруднялся в подборе слов.

По-видимому, с такими же трудностями сталкивался Сорокин и в молодости, когда пытался распевать сказки в форме былин. Но это, конечно, нельзя считать доказательством его импровизаторских наклонностей. Напротив, факты говорят о том, что импровизации Сорокину не удавались.

Неудавшиеся попытки Сорокина переложить сказки на былинный лад очень верно осмыслил В. Я. Пропп. «Это не признак творческого бессилия. Как раз наоборот. Это означает, что певец инстинктивно чувствует художественную форму эпоса настолько сильно, что ломать эти нормы для него невозможно...»¹⁴

Таким образом, анализ былин Андрея Сорокина убеждает в том, что импровизационные моменты в них очень редки и не они определяют исполнительную манеру сказителя. Его тексты отличаются поразительной устойчивостью, в основном не выходя за рамки местной эпической традиции. Вместе с тем индивидуальные вкусы и наклонности сказителя достаточно сильно проявились в его былинах, в ряде случаев можно с уверенностью говорить о творческой работе певца над текстами. Следовательно, имеются все основания для того, чтобы причислить Сорокина к категории сказителей творческого склада.

Для Сорокина характерен повышенный интерес к социальным мотивам, бытовой обстановке, стремление к углубленным психологическим мотивировкам, детализации повествования (подчас даже в ущерб художественной цельности произведений). Подобные тенденции, как известно, получили широкое развитие в творчестве сказителей начала XX в.¹⁵ Эпизодически они прослеживаются и в былинах ряда олонецких сказителей прошлого столетия, но, пожалуй, ни один из них не стоит так близко к современным певцам, как Андрей Сорокин.

¹⁴ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, изд. 2, М., 1958, стр. 544.

¹⁵ См. об этом: А. М. Астахова, Былины. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966, стр. 277—279.